

БИТВА НА ПЕРЕПРАВЕ ЖЫРЫШТЫ: КАБАРДИНО-КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ 1731 г. И ЕЕ ИТОГИ

Алов Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», aloborsa@mail.ru

Первая треть XVIII в. отмечена чередой масштабных кабардино-крымских кампаний. В центре внимания настоящей статьи оказывается одна из них – поход крымских войск 1731 г. в Кабарду и его итоги. В работе вскрываются предпосылки обусловившие такую инициативу Бахчисарая и влияние межимперских противоречий на ее цели и результаты. В фокусе исследования также оказываются внутри- и внешнеполитические усилия, предпринятые правителями ведущего черкесского княжества существенно повысившие его военную резистентность. Закономерно, пристальное внимание уделяется кульминации военной кампании – развернувшемуся в первой половине октября 1731 г. сражению на переправе Жырышты. В целях максимально объемной реконструкции его динамики анализируются численность, состав и другие особенности определявшие военную мощь противоборствующих сторон.

Ключевые слова: Жырышты, Черкесия, Кабарда, Крым, военная кампания, вторжение, сопротивление, оборона, конфронтация

В апреле 1729 г. консолидировавшаяся после ряда лет острейших внутривнутриполитических коллизий и внешнеполитических потрясений Большая Кабарда нанесла решительное поражение вторгшимся в княжество крымским войскам¹. Очередной разгром (с 1708, 1711 и 1721) значительных сил крымских войск и гибель двух султанов, поколебавшие репутацию Крымского ханства как мощной региональной державы, по-видимому, предопределили возобладавшую в Бахчисарее установку на реванш. И, действительно, в апреле следующего 1730 г. черкесским князьям стало известно «о намерении наступления на них крымского хана и кубанцов». Однако на этот раз правители Большой Кабарды демонстрировали беспокойство не из-за угрозы поражения от крымских войск. Опасение вызывали неизбежные, в случае вторжения экономические потери. Они заявляли, «что ежели оные придут и людей их и скот из гор на пашню не выпустят, то вся Кабарда может притти в разорение»². Симптоматично, что вероятность «разорения» увязывалась не с непосредственным контактом с крымским войском, а с последствиями нарушения традиционного алгоритма хозяйственной деятельности.

В этих обстоятельствах наиболее востребованной становится тактика, направленная не на отражение возможного натиска, а на его предотвращение. С этой целью в Дербент к начальствующему российскими войсками на Кавказе генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву было послано письмо с просьбой прислать войска «на помощь». В отличие от начала 1720-х гг. теперь российский отряд из тысячи человек выступил в направлении к Кабарде весьма оперативно. Однако, как и прежде, войскам было приказано, «дабы он (командующий российским отрядом Э. Бекович-Черкасский. – Т.А.) без резону в Кабарду не вступал». Поэтому войска остановились «в гребенских городках при границах российских»³.

В случае вторжения крымских войск в Кабарду упомянутый отряд не вступил бы с ними в открытое противодействие, так как был направлен «для утверждения и куражу кабардинцам»⁴. К тому же, по признанию самого Румянцева, «... сею посланною командою наступления крымскаго удержать невозможно» было⁵. В любом случае следует отметить, что тогда ситуация развивалась по благоприятному сценарию, в 1730 г. крымские войска не предприняли похода в Кабарду. В наибольшей мере этому способствовали внутривосточные перипетии (в частности, свержение с престола султана Ахмеда III) в условиях затянувшейся войны Порты с Персией.

Только в следующем году очередная волна крымского нашествия стала приобретать зримые очертания. В конце марта 1731 г. комендант крепости Святого Креста генерал-майор Еропкин доводит до сведения своего начальства, что «получил он четверократное от кабардинских владельцев [Мисост] Ислам-бека, [Бекмурза] Кайсим-бека, [Хатокшоко] Магомет-бека, [Мисост] Кайса-бека, с товарищи письмо чрез присланных от них узденей... что кубанской Араслан гирей салтан Бахтыгиреев брат, собрав войско, стоит в урочище Бестеней, и после де Рамазан Байрама хочет к ним быть в Кабарду для отмщения крови брата своего означенного Бахтыгирея коего те кабардинцы в минувших годах при наступлении ж на Кабарду убили и просят для того в помощь войска»⁶. Спустя несколько дней, «апреля 1-го дня кабардинской владелец Татархан бек приезжал в крепость святого Креста и неотступно просил о защищении Кабарды»⁷. По его отбытии, следом явились его братья Батоко и Эльмурза, которые также «неотступно у него, генерал-маеора, просили о посылке людей и две пушки хотя де для одного эха представляя, что вышереченный кубанский Араслан Гирей салтан конечно к Кабарде надближается...». Как отмечается в источнике, «...противу чего уже он Еропкин не мог отговориться, чтоб их безнадежных не оставить командировал от полков драгун 200 при одном подполковнике нерегулярных терских казаков, окочень новокрещенных 180 человек, да гребенских казаков 250 и при том с людьми своими оные ж Бековичи и те команды поручены рязанского драгунского полку подполковнику князю Волконскому и отправилась де оная команда противу реченного ее императорского величества высокого указа до Гребенских городков апреля 9-го дня...»⁸. О том, что опасения черкесских князей были не напрасны, Еропкин мог удостовериться на следующий день. Согласно его словам, 10 апреля «...от вышереченного кубанского Араслан Гирея салтана прислан к нему нагайский старшина Алабаша Каплей чрез кого и письмо от него Араслан Гирея салтан коим и сам он салтан объявляет, что с войском идет на Кабарду для отмщения крови брата своего вышеупомянутого Бахтыгирея, при том же представляет, чтоб нам за кабардинцов не вступаться»⁹.

Спустя некоторое время марциальный тон султана существенно смягчился. В донесении Еропкина в Коллегию иностранных дел от 11 июля сообщалось, что Аслан-Гирей «сам объявил, что он с войском пришел к Кабарде не для войны, но привел его бывшей кабардинской владелец Араслан-бек»¹⁰. Сам факт столь затяжной переписки и неустойчивость обозначаемой в ней позиции относительно ключевого предмета переговоров наводят на мысль о неуверенности и неготовности стоявших на рубежах княжества сил приступить к решительным действиям. Если инспирируемую предводителями появившегося в Бесленее контингента крымских войск активность (воспринятая изначально весьма серьезно в Кабарде) уместно было рассматривать как целенаправленное прощупывание возможных линий раскола внутри правящей элиты и эффективности ее внешнеполитических связей, то к третьему месяцу «стояния» (когда объявленные сроки вторжения после «Рамазан Байрама»¹¹ давно истекли), эффекты его воздействия были уже столь очевидны.

Как бы то ни было к концу лета 1731 г. огромное (даже по представлениям российского руководства) войско Крымского ханства двинулось на Кабарду. На

этот раз оно выступило с другого направления. Для более полного отражения характера и масштабов спланированной против Кабарды военной кампании приведем пространную выдержку из указа Коллегии иностранных дел коменданту крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкину от 19 сентября 1731 г. В частности, там говорилось, что «...получена здесь с Украины от командующаго тамо обретающимися великороссийскими регулярными войски генерала фон Вейсбаха, и от малороссийского гетмана Данила Апостола ведомость, что крымской хан с Крымскою, Белгородскою и Ногайскою ордами во многом числе войск собрались; и к тому же из Сечи велено быть нескольким запорожцам; (согласно сведениям С.М. Соловьева из донесения Вейсбаха от 25 августа присланного из Полтавы в Москву следовало, что крымский правитель уже с «запорожцами из Сечи стоит, готовый к походу...»¹²) и якобы намерены итти на черкес к Кабарде. А ныне в подтверждение того получено доношение от упомянутого ж генерала фон Вейсбаха, что же крымские, нагайские да к тому ж и буджацкие орды не токмо действительно в собрании, но уже и чрез Днепр переправившись пошли прямо к Азову, о отуду в Кубань, и соединясь с кубанцами будут на черкес итти, а хан крымской сам остался в Крыму»¹³.

Примечательно, что Каплан-Гирей, в третий раз возведенный на ханский престол в 1730 г., воздержался от командования направленными в Черкессию войсками. Возможно, свою роль сыграли жестокий разгром предводительствуемых им войск в 1708 г. на Канжальском плато и поражение крымцев двухгодичной давности. Численность выступивших против Кабарды сил, по оценке Коллегии иностранных дел (которая формировалась на основе разведанных и сведений, получаемых от пограничных властей), была «едва не в двухстах тысячах»¹⁴. Можно полагать, что артикулирование отсутствия хана среди выступивших войск было вызвано не только необычностью уклонения инициатора похода от участия в нем. Думается, имело значение акцентирование диссонанса между масштабом предприятия, которое в полной мере соответствовало статусу большого похода (сефери) и неучастием хана в нем. По меньшей мере для российских командиров на местах адекватная информация о масштабах потенциальной угрозы носила актуальный характер.

Значительность крымских войск настолько впечатлила Коллегию, что она считала поражение черкесов предрешенным и заранее, до начала военных действий, направила пограничным властям на Кавказе инструкцию, в которой говорилось: «Тако ж ежели из оных владельцев кабардинских, ради сильного на них наступления, кто похочет ретироватца х крепости святого Креста, то можешь их принять (*здесь адресатом был комендант упомянутой крепости генерал Д.Ф. Еропкин. – Т.А.*)»¹⁵.

Действительно, в источниках вряд ли можно найти пример более масштабного наступления Крымского ханства на Кабарду. Однако, как это ни парадоксально, именно к этому вторжению крымских войск Большая Кабарда была готова лучше, чем к любому из предшествующих. Так, в конце августа 1731 г. правители княжества во главе с Мисост Исламом заявляли в письме к Анне Ионанновне по этому поводу: «...ежели на нас неприятельское войско нападение учинит противиться мы... против них готовы»¹⁶.

Такое уверенное заявление князей Большой Кабарды не стоит рассматривать исключительно в качестве риторического жеста, вызванного прагматическими соображениями демонстрации своей политической и военной дееспособности адресату послания. Черкесы писали его практически в дни начала выступления крымских войск и они, думается, не случайно обратились к описанию сюжета, посвященного полученному Каплан-Гиреем афронту двадцатилетней давности. Тем самым утверждалась решимость отстоять свою независимость в тех конкретных обстоятельствах, сложившихся при возвращении на ханский престол весьма «неравнодушного» к Кабарде отпрыска династии Гиреев. Княжество, действительно,

подготовило внутри- и внешнеполитические предпосылки для эффективного противодействия агрессии. Во-первых, Большая Кабарда в это время представляла образец консолидированного общества – и это было главным внутривнутриполитическим условием, позволявшим следовать курсом жесткой конфронтации невзирая на возобновлявшуюся угрозу с запада. Во-вторых, примерно в конце 1730-го – начале 1731 г. в Кабарду единовременно переселилось 2000 ногайских семей, способных выставить семитысячную конницу. Эта акция, по-видимому, стала возможной в связи со смещением хана Менгли-Гирея после сентябрьского (1730) переворота в Стамбуле. Нам неизвестны конкретные противоречия между новым ханом и сыновьями правившего в первой половине 20-х гг. в Крыму Саадат-Гирея. Однако определенно можно говорить о том, что пщышхуэ Мисост Ислам, приходившийся старшему из них – Салих-Гирею тестем (к тому же, в свое время, именно у клана Мисост малолетний султан находился на воспитании), предоставляя покровительство и убежище ему и его брату Шахим-Гирею вместе с двумя тысячами подвластных ногайских семей, поступил весьма прагматично. Примечательно, что черкесские князья во главе с Мисост Исламом позиционировали себя как инициаторы этого переселения и сам переход сопровождался вторжением на территорию находившуюся под крымской юрисдикцией («они (черкесские князья. – Т.А.) Салигирей салтана к себе призвали и с ним в Кубань в Малой Нагай ездили и нагайцов с собою привели»)¹⁷. В известном смысле уместно говорить о том, что не только крымские ханы умело пользовались своими родственными связями с черкесскими князьями для вмешательства во внутренние дела Кабарды, но и последние при случае готовы были задействовать эту обоюдоострую опцию.

В-третьих, Большая Кабарда добилась прямой военной поддержки со стороны князей «Малой Кабарды». Она была особенно важна, если учесть, что до этого Талостанеевское и Глехстанеевское княжества не просто не помогали Большой Кабарде в отражении крымских нападений, так как «они их (крымцев. – Т.А.) боялись», но «...во время у Большой Кабарды с крымцами баталий давали им, крымцам, из Малой Кабарды поневоле провиант»¹⁸. Однозначная же поддержка Большой Кабарды была во многом следствием ее усиления за счет внутренней мобилизации.

Дополнительным стимулом, побудившим правителей Талостанея (и, возможно, Глехстанея) к тесному союзу с потомками Пшеапшоко Кази, выступало то обстоятельство, что крымские военачальники, надеясь на свое подавляющее численное преимущество над восточными черкесами, еще до выступления в поход «разглашали» свои военные планы, видимо, пытаясь психологически парализовать противника¹⁹. По «разглашениям» крымских татар, объектом их удара должна была стать именно «Малая Кабарда»²⁰.

К указанному перечню благоприятных политических факторов можно добавить и то, что черкесские князья объективно могли рассчитывать на недовольство Петербурга военной инициативой Бахчисарая в регионе. А это гарантировало ту или иную степень дипломатического давления на Порту.

Итак, к исходу сентября 1731 г. крымские войска появились уже на территории Кабарды. Заинтересованные в исходе коллизии акторы оперативно определили их численность. По сообщением генерал-майора Еропкина, «в первых числах прошедшаго Октября месяца Крымский Султан Арби Бетигенеи (Арбибеты-Гирей. – Т.А.) и Губанский Султан Анаслам Гиней (Аслан-Гирей. – Т.А.) с Крымским, Губанским, Нагайским и другим в 7000 человеках состоящим войском к Кабардеи приблизился, и следующие требования учинил. 1) Чтоб Кабардинцы некоторое число ушедших к ним в прошедшем 1730 году из Губани так имянуемых Нагайцов выдали. 2) Дабы Кабардинцам отмщение учинить за убийство пред несколькими годами при неприятельском нападении обоих родных братеи помянутаго Султана Бетигенеа а имянно Дели Султана и Имрата Кинеа (Имурат-Гирей. – Т.А.), которые из фамилии Крымскаго Хана были... 3) Пред некоторым временем ушел

один из знатнейших Кабардинских Князей Раслан Гирей (Кайтуко Асланбек. – Т.А.) имянуемый, как он с тамошними знатнейшими обывателями в ссору вступил, в Губань, и обретался при Губанском Султানে Араслане Гирее, а несколько из его урядников и служителей обретаются еще в Кабардеи, которых сей Султан оттуда с собою взять намерен...»²¹. Позднее, черкесские князья вспоминали, что с появлением вражеских войск они заблаговременно «со всеми скоты... в горы убрались»²².

Подготовленное к обороне княжество не склонно было удовлетворить требования крымцев. В этой связи Арбибеты-Гирей и Аслан-Гирей султаны «восприяли свой путь к Кабардеи далее и учинили Кабардинцам сожжением полевых плодов и сена и взятием многих людей в полон не мало вреда»²³. Участники кампании признавали, что «тогда оные крымские татары весь хлеб наш в полях выжгли и потратили»²⁴. К исходу первой декады октября Еропкин уже получил информацию о начале военных действий. Однако теперь о ситуации он отзывался как «...о приходе х Кабарде **многова числа орд, которыя пришед начали владельцам кабардинским чинить разорение, и хлеб и сено, что захватить могли, в поле сожгли, и не малое чинят утеснение и неприятельски поступают...**» (выделено нами. – Т.А.)²⁵. Очевидна резкая смена оценки численности оперировавших в Кабарде вражеских войск. Если в момент выставления претензий к черкесским князьям речь шла о 7000-м контингенте, то приступившие к активным действиям крымские силы аттестуются как «многова числа орды».

Как ни странно, эта одна из наиболее драматичных ситуаций в истории Кабарды освещена в историографии весьма поверхностно и не адекватно значимости происходивших событий. Более того, при знакомстве с исторической литературой возникает впечатление целенаправленного игнорирования вопросов, связанных с кабардино-крымской военной кампанией 1731 г. В качестве пионеров подобной историографической традиции можно признать дореволюционных российских авторов. В частности, можно указать на работы С.М. Соловьева. Еще в советский период отмечалось, что он «обычно не затрагивает вопросов истории нерусских народов, входивших в состав Российской империи, в чем проявилось его великодержавное отношение к истории других народов»²⁶. Данный тезис находит свое подтверждение в авторском небрежении сюжетом, связанным с военной кампанией 1731 г. в Кабарде. Вернее, классик российской историографии касается его и даже приводит живописание его впечатляющей завязки (донесение начальника российскими войсками в Украине генерал-аншефа Вейсбаха о начале небывало масштабного крымского похода в Кабарду), но далее вместо логически связанного повествования о его ходе и итогах перед читателем разворачивается содержание корреспонденции российского резидента в Стамбуле о дипломатических перипетиях с Портой²⁷. При всей важности выяснения динамики межимперских диспозиций относительно отражавшей внешнюю агрессию Кабарды, очевидно, что с точки зрения выявления конкретных обстоятельств крымского вторжения на территорию ведущего черкесского княжества исследовательский приоритет правомерно было бы обратить именно на событийную канву развернувшейся военной кампании.

Характерно, что поверхностный подход к затрагиваемому здесь вопросу присущ и авторам, специализировавшимся по кавказской истории. Так, современник Соловьева П.Г. Бутков касается татарского вторжения в Кабарду 1731 г. постфактум, в связи с проходом крымского корпуса Фети (Фатих)-Гирея в Дагестан двумя годами позже. Он пишет: «В сих обстоятельствах Кашкатовцы желая преодолеть Баксанцов предались крымскому хану и 1731 и 1732 года приводили войски его на них, которыя от Баксанцов с удачею несколько раз были отражаемы»²⁸. Для начала отметим, что крымского вторжения в Кабарду в 1732 г. не было («а сего лета на Кабарду никакого наступления татар крымских и кубанских не было, да и быть того не чаемо») ²⁹. Очевидно, что и сведение столь нетривиальной по масштабам и характеру коллизии к «баксанско»-«кашкатауским» противоречиям

также мало соотносится с многообразием факторов и обстоятельств события. К тому же «Кашкатовцев» как политических антагонистов «баксанцов» в это время не существовало. К рассматриваемому времени уже седьмой год княжеский клан Бекмурза находился в тесном союзе с «баксанцами». В распоряжении этой коалиции находились и ресурсы удела Кайтуко, князя которых покинули пределы Кабарды. В последней же воцарилась весьма устойчивая ситуация консолидированности политической элиты.

В известном смысле традиции, заложенные в дореволюционной историографии, были продолжены и в советский период. Так, в «Истории Кабардино-Балкарской АССР...» (1967) рассматриваемому здесь вопросу посвящено всего два предложения. Смысл их заключается в том, что по требованию русского резидента в Стамбуле И.И. Неплюева, извещенного о приготовлениях Крыма к войне с Кабардой, Порты обещала «удержать крымского хана от военного нападения на кабардинские земли»³⁰. О самих событиях в Кабарде там нет ни слова.

Из академического издания «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» (1988) мы можем узнать, что в 1731 г. в Кабарде все-таки проходили боевые действия. Однако, по существу, здесь наблюдается перекочевка упомянутого тезиса об энергичном дипломатическом воздействии России на Стамбул, в результате которого «султан приказал крымскому хану срочно отвести войска от границ Кабарды»³¹. Такое изложение подводит читателя к мысли о том, что решающую роль в сохранении независимости Кабарды тогда сыграла Россия.

Понимания сложившейся в 1731 г. обстановки в Кабарде и со стороны имевшей большие возможности для ее объективного изучения Е.Дж. Налоевой также недостаточно. К тезису об эффективном дипломатическом давлении России на Порту, устранившем военную угрозу Кабарде, она добавляет и фактор военной поддержки со стороны Петербурга, который «ввел русские войска в Кабарду»³² что, как подразумевается, принудил крымцев к отступлению.

В трудах В.Б. Вилинбахова рассматриваемый здесь вопрос отражен в подобном ключе и в полном соответствии со сценарием развития событий, который был в свое время представлен комендантом крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкиным в Коллегию иностранных дел³³. Думается, что простое копирование версии заинтересованного лица без сопоставления с другими фактами и контекстом общей ситуации, сложившейся тогда вокруг Кабарды, не могло внести ясность в исследуемый вопрос.

К сожалению, в работах последних лет, которые, казалось бы, должны были прояснить вопрос, мы наблюдаем продолжение традиций фактического игнорирования данного сюжета и сплошного копирования стереотипов поверхностно отражающих, а зачастую искажающих суть происходивших тогда процессов. Данная характеристика в полной мере относится к работам К.Ф. Дзамихова и Б.К. Мальбахова. В них сквозит убеждение в том, что Кабарда не была покорена Крымом в 1731 г. в основном благодаря Петербургу, который решил «взять кабардинцев под защиту России»³⁴ и отправил войска для обороны Кабарды³⁵. «Эта позиция оказала огромное влияние на Турцию, и крымские войска были отозваны из Кабарды», – резюмирует свое видение ситуации К.Ф. Дзамихов³⁶.

В свете вышеизложенного весьма важным представляется выяснение реального отношения российского руководства к кабардино-крымскому противостоянию 1731 г., а также степени и форм влияния его политики (через своих военных начальников в регионе) на развитие событий.

19-го сентября 1731 г. Коллегия иностранных дел России (после, по-меньшей мере, трехкратного подтверждения выступления крымских войск на Кабарду) направила инструкции коменданту крепости Св. Креста Д.Ф. Еропкину. Согласно этому документу объектом крымской агрессии должна была стать «Малая Кабарда». Соответственно предполагавшиеся действия российского командования также

относились к ней. Однако наставления дипломатического ведомства военному командованию на юге сложно квалифицировать как проявление решительной поддержки «Малой Кабарды». «А х кабардинцам, ежели такой татарской поход совершенно возпоследует, можешь ты послать от себя со утверждением, чтоб они крепко держались и оборонялись, обещая им, что не токмо от себя к ним некоторое число войска ты в помощь пришьлешь, но и сам с войском к границам пойдешь, дабы ради лутчаго защищения в близости быть, и можешь ты им такожде, естли им нужда в том есть, несколькими числом пороху и свинцу, и двумя или тремя пушками вспомоши»³⁷. Нетрудно заметить, что в этих предначертаниях, готовности к полноценной масштабной поддержке не проглядывалось, если не считать таковой обещание символической поддержки в виде двух-трех пушек. Поэтому, по сути главным пунктом помощи в намечавшейся кампании российское внешнеполитическое ведомство обозначило разрешение принять «ретирующихся» от крымского наступления черкесских князей в крепости Св. Креста³⁸. Это и показывает на сколь действенную помощь была готова Россия в поддержке Кабарды.

В любом случае этот указ дошел до адресата (согласно рапорту Еропкина) лишь 23 октября, поэтому никакого практического значения он не имел. Генерал Еропкин же, известившись о начале боевых действий в Кабарде, в соответствии с прежними инструкциями и образом действий, решил направить команду войск лишь до ее восточных границ, «в обретающиеся под Российским владением Гребенские Казацкие городы»³⁹.

Собственно, ровно это и требовалось в указе от 19 сентября, но получив уведомление об опустошительном крымском вторжении в Кабарду, и, по-видимому, предполагая свои наихудшие ожидания свершившимися Коллегия отправляет на Кавказ новый указ. В нем под видом подтверждения сентябрьского документа артикулируется совершенно иная интонация и расстановка акцентов. Оповещая о том, что в Коллегии получили доклад от 9 октября в котором сообщалось о направлении российских сил лишь до «Гребенских городков» т.е. до границы авторы указа как бы реагируя на такое решение ставили на вид своему адресату следующее: «А тебе в вышеупомянутом отправленном указе велено прямо в Кабарду команду послать...»⁴⁰. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Коллегия в данном случае скромно «опустила» допущенную ей ошибку адресации в определении объекта помощи («Малая Кабарда»). Примечательно также, что робко обозначенные в сентябрьском документе обтекаемые положения о готовности лишь «обещать» помощь ведомство переинтерпретировало в однозначную директиву «и по всякой возможности их, кабардинских владельцев, защищать и до разорения не допускать»⁴¹. В этой логике воспринимается и «напоминание» «и по их требованию порохом, свинцом и пушками их снабдить»⁴². Имея ввиду, что в сентябре была обозначена возможность «вспомощи» всего лишь «двумя или тремя пушками» (в то время как черкесский посол указывал на необходимость 20 пушек для эффективной обороны⁴³) просматривается явная тенденциозность и этого пассажа. Подобный отзыв на ситуацию наводит на мысль о стремлении руководства Коллегии (посчитавшей положение в Кабарде критическим) отвести от себя возможные укоры в свой адрес со стороны верховной власти.

По-видимому, этим же озаботился, и российский военачальник отвечавший за «кабардинское» направление. Еропкину в складывавшейся ситуации не оставалось ничего иного, как представить свои действия не просто оправданными, но и чрезвычайно продуктивными. Для этого он не останавливался и перед явными измышлениями. Так, в третьей декаде октября 1731 г. он сообщал в Коллегию, что кабардинский посол князь Мисост Магомет прибыл к нему лишь после «баталии» с крымскими войсками⁴⁴. Однако сам посол неоднократно и перед разными конфиденциями артикулировал, что во время военных действий в Кабарде он находился «у Сулака», т.е. в крепости Св. Крест («токмо в бытность ево, владельца, нынешней осени в Сулак, когда приходило на Большую Кабарду крымское

войско» – 21 февраля 1732 г.⁴⁵; «осенью приходили те войски крымские и кубанские на Большую Кабарду, а ево, владельца, тогда в Кабарде не было» 7 марта 1732 г.⁴⁶). В пользу правдивости слов Мисост Магомета говорит и то, что в листе кабардинских князей, который он вез в Петербург, не отражены результаты событий, последовавших после 22 августа, когда он был составлен.

Другой примечательной особенностью действий генерала Еропкина в этот период было подозрительно небрежное исполнение им своих обязанностей именно тогда, когда Кабарда острее всего нуждалась в военной поддержке. Данное обстоятельство не ускользнуло от внимания внешнеполитического ведомства, которое с нескрываемым раздражением ставило Еропкину на вид: «Доношение твое, отправленное ис крепости Святого Креста от 9-го октября, получено здесь 11-го сего ноября, которое удивительно что так долго в пути медлилось, надлежало было, яко нужнейшему, с норочным от тебя отправлену быть. Еще же удивительно, что ты еще отправленного указу от 19-го сентября ис Коллегии иностранных дел по отпуск того твоего доношения не получил...» (курсив наш. – Т.А.)⁴⁷.

В свете представленных фактов смысл действий (вернее бездействия) генерала Еропкина начинает укладываться в определенную логику. А именно, скрывая как появление посла Мисост Магомета на Сулаке (который прибыл в частности и с просьбой, чтобы «нам вспоможение чинено было. И для обороны нашей от неприятелей наших пожаловать нас 20-ю пушками...») до начала военных действий, так и манкируя обязанностями по осуществлению оперативной связи с центром, пограничный начальник получал возможность уклониться от участия в боевых действиях (что у него и получилось). Видимо, перспектива столкновения с «двухсоттысячной» татарской армией не очень радовала его. (Небезупречное поведение генерала в боевой обстановке косвенно подкрепляет данные соображения⁴⁸).

Однако, «расторопность» в нем обнаружилась вместе с исчезновением татарской угрозы. Российский военачальник оперативно сориентировался в новой ситуации и не преминул приписать своим действиям ключевое значение во всей осенней военной кампании. Соответствующим образом оформив «свой» взгляд на прошедшие события Еропкин 20 октября отправляет «доношение» в Коллегию.

Ознакомившаяся с ним Коллегия в условиях актуальности совсем уже иных задач комплементарно воспринимает транслируемую на нее версию: крымцы «намерены были на Кабарду наступление чинить, но услыша об отправленной от тебя (Еропкина. – Т.А.) команде в Гребенские городки, устращась оной, восприяли рейтираду на которых кабардинцы, при переправе через реку Терек, учинили нападение и тех салтанов с войском розбили...»⁴⁹. Если до известий о черкесских успехах Еропкину пеняли в том, что ему было «велено прямо в Кабарду команду послать», то теперь выражалось одобрение («Вышеписанной твой поступок в посылке команды до Гребенских городков на защищение кабардинцов апробуетца»)⁵⁰.

Изобретенное Еропкиным алиби оказалось релевантным устремлениям внешнеполитического ведомства даже на среднесрочную перспективу. Так, в протоколе ответов Коллегии иностранных дел черкесским князьям в июле следующего 1732 г. за подписью руководителей имперского внешнеполитического ведомства – Г.И. Головкина и А.И. Остермана, декларировалась не коррелирующая с действительным ходом событий идея о мощной помощи России в ходе прошедшей военной кампании с Крымом. Там говорилось: «И в потребном случае повелено к ним в Кабарду на оборону и войска, и пушки от крепости Святого Креста посылать, как то прошедшаго году помянутой ген.-майор Еропкин, вовремя приходу х Кабарде крымских и кубанских войск, действительно и чинил, а имянно: получа ведомость о приближении оных х Кабарде, немедленно сперва часть войска к Кабарде отправил, а потом и сам з знатным корпусом туда ж движение учинил, о чем уведав крымцы и кубанцы, убоясь оных, тотчас от Кабарды назад пошли. И тогда они, кабардинцы, случай возимели на тех своих неприятелей при переправе чрез реку Терек нападение учинить, и победу над ними одержали. И могут они,

кабардинцы, сами признать, что ежели б российские войска на оборону к ним не отправились, то б крымцы и кубанцы не токмо от них бы не отошли, но и нападение б на самую Кабарду учинили»⁵¹. Разумеется, в глазах адресатов письма в Черкесии подобные выверты не выглядели сколько-нибудь убедительными. Авторы послания и не рассчитывали на подобный эффект; скорее имелось некоторое опасение на счет возможного антиэффекта от столь вольной интерпретации фактов. Однако по-видимому предполагалось что обещание «обороны, войск и пушек» должны были сделать свое дело, и черкесы воздержатся от рьяного опровержения петербургской мистификации. Но для демонстрации подобной роли на европейской арене, особенно перед Портой резоны были вполне очевидные.

Теперь уместно выяснить насколько картина событий, сконструированная в недрах российского внешнеполитического ведомства согласуется с черкесским взглядом на ситуацию. Для этого имеет смысл вспомнить содержание вышеупомянутого «листа» правителей Кабарды адресованного российской императрице накануне крымского вторжения (22 августа 1731 г.). В нем в частности указывалось: «И того ради мы ко обретающемуся в Сулаке генералу человека своего с... прошением отправляли, объявляя ему, что неприятельское войско на владение наше нападает. Однако ж нам от того генерала никакой помощи не показано»⁵². Обращает внимание, что текст с подобным утверждением без всяких корректировок был доставлен в российскую столицу невзирая на последовавшие спустя месяц после его написания турбуленции. (Посол Мисост Магомет фигурирует в качестве одного из авторов этого письма). В феврале 1732 г. посол Кабарды в России князь Мисост Магомет на аудиенции у вице-канцлера А.И. Остермана заявлял, «что когда приходят на них крымские войска, и тогда они посылают в Сулак к обретающемуся тамо генералу, с требованием, дабы оной прислал к ним на помощь войска. И хотя он, генерал, и присылает однако ж они ни в чем им вспоможения не чинят»⁵³. Тем самым посол Большой Кабарды устно подтвердил главе внешнеполитического ведомства России изначальную (сформулированную до старта военной кампании 1731 г.) позицию относительно тактики устойчивого бездействия которой придерживалось имперское командование в регионе. Подобная фактология определенно говорит о том, что российские войска не оказывали активной военной помощи Кабарде ни в период крымского вторжения осенью 1731 г., ни в ходе предыдущих кампаний. Таким образом, позиции кабардинской и российской сторон относительно рассматриваемого вопроса были диаметрально противоположными.

Они оказываются взаимоисключающими относительно и других эпизодов коллизии. При этом степень логичности двух «нарративов» заметно разнится. Так, петербургский тезис о направленной «команде в Гребенские городки», «устрашение» от которой якобы заставило крымцев «воспритья рейтираду» «на которых кабардинцы при переправе через реку Терек, учинили нападение и тех салтанов с войском разбили» не объясняет, к примеру, причину по которой оперировавшие в Большой Кабарде крымские войска («Осенью (1731 г. – Т.А.) приходили те войски крымские и кубанские на Большую Кабарду... И сожгли оные в полях хлеб и сено Большой Кабарды. А до Малой Кабарды те крымцы и кубанцы ничем не касались») ⁵⁴ вместо логичного отступления на запад продвинулись на многие десятки километров на восток к реке Терек. Исходя из петербургской версии не понять, к примеру, и причину, по которой крымские войска оказались перед необходимостью переправы через Терек если они продвигались в направлении от российских войск, появившихся в районе «гребенских городков» располагавшихся на левобережье р. Терек. В целом картина событий, продекларированная в российской столице характеризуется оторванностью от географических, политических и военных реалий рассматриваемого сюжета.

Отличие от нее черкесская версия предельно конкретна и последовательна (хотя и лапидарна) в объяснении алгоритма представленных действий: «...то крымское

войско мимо нас на Татартюпов пошли с таким намерением, чтоб терской казачей город взять. И когда мы о таком их намерении услышали, то не щадя живота нашего за ними в погон пошли и догнали их у реки Терку, у называемой переправы Чершете, где с ними крымцами, сражение имели, при котором случае... оное многочисленное крымское войско разбили и от намерения их отвратили»⁵⁵. К тому же представленная картина событий укладывается в логику актуальной международно-правовой повестки крупнейших держав, присутствовавших в кавказском регионе. Точное определение в этом плане, места сражения, предстает как необходимая переменная в реконструкции непротиворечивой картины хода и итогов кабардино-крымской кампании 1731 г.

Как выше указано черкесские князья место сражения с татарским войском в октябре 1731 г. обозначали как переправу «Чершете» (в документе есть помета: по российскому званию Ярашта) «у реки Терку»⁵⁶. Этот топоним фиксируется и в ландкарте Кабарды 1744 г.⁵⁷ В немецкой карте второй половины XVIII в. эта местность помещена выше Моздока под названием Urotschischte Eroschta (урочище Ерошта)⁵⁸.

Возможно, что при выявлении этимологии данного топонима необходимо обратить внимание на его вероятную связь с патронимом черкесского дворянского рода Жырышты. По всей вероятности, практически до 70-х гг. XVIII в. русский топонимикон в Притеречье заканчивался в районе гребенских городков. Очевидно, что наименование «Чершете» – метатеза к названию Жырышты/Череште применительно к броду через р. Терек и местности вокруг него использовалось изначально черкесами. Учитывая, что в XVIII в. известным был «Бабукин брод»⁵⁹ на р. Малка, вероятно, по фамилии дворянского рода Бабуг (Бабыгу), нельзя исключить, что одно из наиболее удобных мест переправы в среднем течении р. Терек получило название от фамилии также дворян Жырышты. По крайней мере, можно констатировать наличие практически идентичных названий у рассматриваемой переправы и вотчины рода Жырышты в XVIII в. Так, в русской карте Кабарды 1744 г. село последних обозначается как «Ероштева», а спустя девять лет в «объяснении к кабардинской ландкарте» как «Ерашты»⁶⁰.

Подполковник Гак, прибывший в июле 1763 г. во главе трехсотенного отряда российских войск к урочищу Моздок с целью заложения здесь крепости, отмечал, что урочище Ераште находилось «от лагеря (у Моздока) верстах в двадцати»⁶¹. Учитывая, что в одной путевой версте содержится 1,080 км⁶, переправу Чершете можно отнести в район современного черкесского села Хамидие (ХъэщЦей). А если точнее, речь идет о «рукаве р. Терека в местности Ерашта (нынешняя Чернорская станица)»⁶².

Как видно место решающего сражения кампании 1731 г. находится на определенном отдалении от привычного театра военных действий в центре Большой Кабарды. Достаточно любопытен и маршрут движения участников сражения к данному району («крымское войско мимо нас на Татартюпов пошли... и мы... за ними в погон пошли...») ⁶³. Мотивом такого стремительного выхода крымцев из зоны непосредственного взаимодействия с черкесскими силами, как выше указывалось, обозначена их цель – «терской казачий город взять». Подобный тезис, с учетом времени его появления (спустя десятилетие после описываемого события), адресата документа в котором он отражен (дипломатический документ, направленный российской императрице) и дежурного риторического хода, связанного с подразумеваемым стремлением спасения «терского города» на первый взгляд создают почву для скепсиса. Между тем ознакомление с геополитическим контекстом вокруг Большого Кавказа и военно-политической диспозицией крупнейших держав на линиях соприкосновения позволяет объемнее рассмотреть каузальные связи, объясняющие появление татарской армии на переправе Жырышты. В этом плане критически важно учитывать, что несмотря на то, что в этот период Порта основательно увязла в конфликте с Персией и во избежание войны на два фронта она

всячески декларировала свое стремление к сохранению мира с Россией, имели место и иные факторы, определявшие тогдашнюю военно-политическую повестку.

С момента восшествия на османский престол Махмуда I осенью 1730 г. «крымский хан Каплан-Гирей находился при новом султানে» и имелись «слухи, что хан вооружает Порту против России» (татарский правитель же рассматривался как «орудие Вильнева» – французского посла в Константинополе, который, по выражению российского резидента Неплюева постоянно «на ссору с Россией Порту побеждает»⁶⁴. Вместе с тем, очевидно, что на протяжении следующего года османы стабильно демонстрировали отсутствие явной враждебности в отношении Петербурга. При этом, остается не вполне ясным насколько официальные декларации Порты соотносились с возможным негласным поощрением иной манеры действий на северных рубежах.

Буквально в этот период фельдмаршал Миних описывая устоявшуюся обстановку в зоне стыка двух государств-гегемонов Восточной Европы указывал на постоянные набеги на российскую территорию со стороны южных соседей. Он был убежден, что с этим можно было бы справиться, «если бы с турецкой стороны калмыкам, ногайцам и крымцам не было дано позволения к грабежу в наших границах». И что любопытно, в качестве оправдания турки выставляли отсутствие своей официальной санкции на подобные действия («без указа все сделано»)⁶⁵. Забегая вперед можно привести более красноречивый пример востребованности Портой наивно-софистических форм прикрытия рискованных внешнеполитических инициатив. Когда, после вооруженного прорыва крымских войск под командованием Фати(х)-Гирея через российские заслоны в Дагестан в 1733 г. Стамбулу выразили протест, до российского резидента Неплюева довели довольно экстравагантную позицию османов. «Ему заметили, что татары все это делали сами собою; им послали указ, чтоб ничего противного не делали, и этим Порты должна ограничиться, ибо всякая империя имеет свои резоны и обычаи, как с подчиненными поступать; должна соображать также свои поступки с обстоятельствами времени, и об этих резонах всякому объявлять не может»⁶⁶.

Подобная устойчивая практика свободного и «рутинизированного» отхода от стандартов «европейского» приграничного взаимодействия всегда могла быть использована как платформа для неконвенциональных инициатив в «третьем пространстве» между империями. К тому же следует учесть, что военные возможности Петербурга в этот период не внушали трепета в Константинополе. Источники в османской столице сообщали, что: «Порты Россию очень легко ценит, помня прутские дела»⁶⁷. В условиях насущной необходимости переломить ситуацию в затянувшемся клинче с Персией российский демарш с «подозрительным»⁶⁸ (ввиду непредусмотренности в действовавшем на тот момент трактате) проходом войск через Польшу в «Унгрию» в середине 1731 г. мог послужить спусковым механизмом к замыслу о рекогносцировочном походе крымских войск в тыл персам. Разумеется, в этом случае ханство получало свободу рук в отношении Большой Кабарды. Не случайно, российское внешнеполитическое ведомство, пристально следившее за развитием событий резонно приходило к красноречивому заключению. Полученная (неоднократно) информация о впечатляющей численности выступившей в направлении Кабарды армии склоняло к рассуждениям о том, что «И ежели б ради усмирения одних кабардинцев, то б не для чего толикого числа посылать. Нет ли прямо у них того намерения, чтоб не токмо вошед Грузию разорить, но и далее в Персии что профитовать или и в порцию е.и.в. в персидских провинциях незапно вошед, какое разорение приключить; и невозможно б чаять, чтоб сие так великое число орд движение собою хан крымской учинил без позволения Порты»⁶⁹. В пользу наличия далеко идущих целей и изначальной согласованности крымского похода на Северный Кавказ говорит и следующий нюанс. По получении подтверждения о выступлении крымских войск в направлении Кабарды российский резидент И. Неплюев обратился к Порте с жалобой на хана

«в самых крепких терминах», требуя, чтоб войска ханские были немедленно распущены». Как писал Соловьев: «Визирь отвечал, что он об этом ничего не знает и не думает, чтоб хан мог сделать какую-нибудь дерзость, потому что ему накрепко приказано сохранять соседственную дружбу с Россиею, и обещал повторить это приказание»⁷⁰. В контексте устойчивого практикования Портой мнимой инкоординации между ее установками и инициативами Бахчисарая на северных рубежах подобные внушения не выглядели особо убедительно. Наоборот финал встречи с российским послом подталкивает к рассуждениям в противоположном направлении: «Визирь при окончании конференции сказал, чтоб мы о ханских поступках в народе не разглашали...»⁷¹. Памятуя, что «протест против движения все в Персию» и требование «оставить персидские дела»⁷² были чуть ли не лейтмотивом свержения предыдущего султана вполне объяснимы опасения новых властей вызвать гнев еще не успокоившейся стамбульской улицы. В случае непричастности Порты она вряд ли открыто продемонстрировала бы свою озабоченность по этому поводу представителям иностранной державы, особенно России.

Итак, по совокупности обстоятельств и сведений относящихся к затронутому вопросу и их рассмотрение в широком контексте международной политики подводит к заключению о корректности черкесской версии о предпосылках и условиях сопутствовавших сражению на переправе Жырыщты в начале октября 1731 г. Единственным аспектом не получившим отражения в ней (выдвинутое спустя десятилетие в период обострения отношений обвинение Кайтуко Асланбека со стороны «баксанских» князей в том, что якобы «по его научению» тогда крымские войска вознамерились взять «терской казачей город» не могут учитываться как репрезентативные свидетельства⁷³) является полнота содержания исходной целеустановки вражеского похода. Это и понятно; не располагая разветвленной дипломатической службой правители княжества не могли быть осведомлены о подоплеках османских устремлений. Ведущее черкесское княжество, судя по всему, не занимало в них центрального положения т.е. конечным пунктом движения войск оно изначально не являлось. На этом фоне обозначившаяся устойчивость его обороны (выстроенная по не раз отработанной, и показавшей свою эффективность схеме при наличии у княжества небывало большого войска) и вызванный этим спад динамизма в действиях крымцев, грозивший «подвисанием» ситуации на театре военных действий («... крымские и кубанские силы в Баксане и в Кашкатове повредить их были не в состоянии, разве продолжительною своею под Кабардою бытностью могут их не допустить в полях хлеб сеять и скот из гор выгонять. Но такое замедление и самим крымцом и кубанцом не дешево быть может»)⁷⁴ обусловили «внезапное» оставление центра Большой Кабарды вторгнувшимися сюда силами и продвижение их по «неожиданному» маршруту в направлении низовьев Терека.

Со времени персидского похода Петра I 1722 г. и перевода Терской крепости на Сулак (под названием крепости Святого Креста) российские силы на р. Терек были весьма незначительны; там оставалось лишь пять небольших «городков»⁷⁵. В контексте задач успешного завершения войны с Персией данные обстоятельства не могли быть проигнорированы Портой. Во всяком случае необходимость переправы на левобережье р. Терек на котором располагались все гребенские городки диктовалась именно ее оперативной целесообразностью.

Будет недостаточным если ограничиться тезисом, что начатое продвижение противника на «Татартюпов» к казачьим городкам для подготовившихся к продолжительной и изнурительной осаде населения было большим облегчением, а войскам такой маневр существенно облегчил задачи по отражению агрессии. Речь шла об исключительном шансе для реализации, артикулированной еще в начале столетия установки – ликвидации (или в крайнем случае, существенном ослаблении) татарской угрозы со стороны Кубани. В последний раз такой шанс представился летом 1711 г. когда П.М. Апраксин не соединил российский корпус с успешно оперировавшими на Кубани войсками Большой Кабарды. Черкесские князья не

будучи осведомленными обо всех мотивах тогдашнего отхода российских войск упрекали военачальника, что он «пошел назад, а естли бы он помешкал, то един бог весть, что ни един бы татарин на Кубани не остался»⁷⁶. Теперь же совместно с силами княжества действовала семитысячная ногайская конница. К тому же крымцы сделали все чтобы «с небольшим 3 тысячи человек» войск⁷⁷ Талостанеевского и Глехстанеевского княжеств выступили против них. И это были ровно те силы при содействии которых Большая Кабарда готова была нейтрализовать угрозу с запада («И ежели б к тем [кабардинским войскам] прибавить донских казаков или иных российских войск, столько же 10 [тысяч]... то довольно с теми на Кубань напасть и разорить» утверждали черкесы в 1718 г.)⁷⁸.

Этих обстоятельств было достаточно, чтобы пшышхуэ Мисост Ислам (имевший недавний успешный опыт отражения крымского нашествия) оперативно сориентировался в преимуществах изменившейся боевой обстановки. Предпринятый крымцами марш в сторону казачьих поселений на Тереке предоставил и существенные тактические преимущества черкесам. Во-первых, они получили возможность вхождения в боевой контакт с противником в наиболее оптимальных (выбранных ими же) обстоятельствах места и времени. Во-вторых, предпринятый марш предопределил, что войска войдут в соприкосновение в условиях «погони» (со стороны черкесов). В литературе отмечается, что именно в ходе погони черкесы традиционно наносили наиболее ощутимый урон противнику⁷⁹. В-третьих, черкесам, судя по всему, удалось воспользоваться эффектом внезапности; они дождались начала переправы – **«догнали их у реки Терку, у называемой переправы Чершете»** (выделено нами. – Т.А.)⁸⁰. То обстоятельство, что татарам навязали бой именно на переправе показывает, что им не оставили выбора. Будучи извещенными о преследовании противником сложно допустить, чтобы местом фронтального разворота своих сил они избрали неблагоприятный для подобного маневра ландшафт, в котором приходилось обращать свой тыл к серьезной водной преграде, тем самым серьезно повышая риск катастрофы в случае отеснения какой-либо части войск непосредственно к Тереку. Тем более, что в этой обстановке черкесы демонстрировали явное превосходство над татарами и среди пустившихся в преследование крымцев в октябре 1731 г. наверняка было немало тех, кто ровно за двадцать лет до этого в «прибрежном» сражении на Кубани их «били боем и рубили саблями», а «иных в реке потопили»⁸¹.

Соображения возможно полной реконструкции рассматриваемого вопроса требуют пристального внимания к источникам и критического рассмотрения сведений о численности вторгнувшихся в Кабарду войск. Прежде всего, необходимо выяснить, действительно ли в рассматриваемый период войска восточночеркесских княжеств соприкасались лишь с авангардом крымской армии. В этом плане следует учитывать, что авангард является элементом походного охранения войск, совершающих марш. Он выделяется в предвидении столкновения с противником. Задача авангарда не допустить внезапного нападения противника на главные силы и проникновения его в полосу движения охраняемых войск. В свете сказанного трудно назвать действия крымских войск в Кабарде по «разорению», захвату «хлеба и сена» и выжиганию полей характерными для авангарда.

Действия авангарда должны быть решительными и стремительными, носить маневренный характер. Здесь же мы наблюдаем тщательное и планомерное истребление материальных ресурсов страны. Исходя из опыта предыдущих кампаний можно с уверенностью утверждать, что лишь при подавляющем численном превосходстве татары могли действовать в Кабарде столь уверенно.

К этому следует добавить, что ни в дореволюционной ни советской историографии крымские войска, действовавшие в 1731 г. в Кабарде, не обозначались как авангард. Насколько можно судить, авторами неуместной новации стали Мальбахов и Дзамихов, которые допустили это опять-таки в результате некритического подхода к вопросу⁸².

Вместе с тем следует подчеркнуть, что речь, разумеется, не идет и о двухсот-тысячной армии которая согласно сведениям российских военных на Украине выступила в конце лета 1731 г. в направлении Кабарды. Не вдаваясь в обоснование заведомой сомнительности столь громадных размеров войск, мобилизованных ханством для похода в Черкесию, следует обозначить факторы обусловившие разительно меньшую их численность при подходе к театру военных действий. Во-первых, «запорожцы из Сечи» которые, согласно предварительным сведениям о крымском выступлении стояли готовые к походу источниками не зафиксированы среди войск оперировавших в Кабарде. Их мобилизационный потенциал в рассматриваемый период достигал «до 7000 человек хорошо вооруженных»⁸³ (по мнению российского командования «с 3 или 4 тысячами таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус», т.е. казаков на российской службе)⁸⁴. Во-вторых, вслед за получением сведений о военных приготовлениях ханства российский генерал «Вейсбах приказал регулярным войскам тотчас выступить к границам и написал малороссийскому гетману, чтоб он немедленно шел туда же со всеми козацкими войсками»⁸⁵. Это обстоятельство несомненно могло отвлечь серьезные силы от выступившего в поход корпуса. В-третьих, очевидно, что отделившийся от войск хан не мог вернуться в Крым с малочисленным эскортом (особенно в условиях приближения к границам российских войск). И, в-четвертых, существенные потери при длительных маршах до подхода к театру военных действий были непреложной реальностью того времени.

Вместе с тем следует признать, что на данном этапе достоверная квантификация всей брошенной Крымским ханством на Северный Кавказ мощи представляется невозможной. В этой связи наиболее корректным подходом к вопросу будет попытка определения планки, ниже которой не могла опуститься численность армии-вторжения в 1731 г.

Как выше отмечалось, численность крымских войск в начале кампании (при предъявлении ультиматума черкесским князьям) оценивалась в семь тысяч человек. С началом боевых действий, крайне щепетильное в этом вопросе российское военное командование воспользовалось менее определенными, но более устрашающими номинациями, заявив о приходе «многова числа орд». Подобное расплывчатое определение в рапорте российского военачальника не могло появиться случайно. Ведь, к примеру, в июне 1720 или же в марте 1721 г., когда на подступах к центру Кабарды стояли относительно немногочисленные передовые отряды крымцев (соответственно 7 и 8 тыс. человек), российскому пограничному начальству весьма оперативно доставлялась точная информация о численности татар⁸⁶. Теперь же, в октябре 1731 г. осложненная обстановка рассредоточения большой массы вторгнувшихся войск с целью «чинить разорение» центра Кабарды существенно ограничивала возможности адекватной (и, что не маловажно, оперативной) оценки численности противника.

Обращение к черкесской оптике на данную ситуацию также показывает, что в Кабарде кампанию 1731 г. относили к одной из крупнейших за первую треть XVIII в. В этом плане любопытными и красноречивыми предстают ретроспективные описания черкесскими князьями предыдущих баталий с крымским воинством. Так, в одном из своих писем они, касаясь военной кампании 1708 г. вспоминали о вторжении хана Каплан-Гирея «со многочисленным войском своим для завоевания»⁸⁷. В другом документе встречаем крайне информативное описание накопленного опыта князей Большой Кабарды в деле их военного противодействия региональным акторам преимущественно «опознаваемым» как недоброжелательные России. Его изложение начинается с сюжета о походе против Кубанской Орды летом 1711 г. Авторы письма писали, что «тамо крымского калгу салтана с великим числом войск ево разбили»⁸⁸. Крайне неудачный поход войск ханства в Кабарду в 1729 г. сопряженный с гибелью обоих главнокомандующих – Бахты-Гирей и Имрат-Гирей султанов также был аттестован как приход

последних «с великим числом крымских войск»⁸⁹. И, наконец, черкесские князья, как выше указывалось, касаясь исхода сражения на переправе «Чершете» писали, что «оное многочисленное крымское войско разбили»⁹⁰. Хотя в этом реестре триумфов черкесского оружия числились «разбитие» кумыкских князей «при реке Терку», победоносный поход на чеченцев в 1720-м г. и разгром тех же «крымских салтанов» с «кыргисцами» на р. Кума за год до составления текста эти противники не удостоились эпитета «многочисленного войска». Судя по содержанию документа такую оценку снискали войска, численность которых варьировала в диапазоне от 15-ти (Кубанский поход 1711 г.) до нескольких десятков тысяч человек (кампания 1708 г., и ее кульминация на Канжальском плато).

С этим согласуется и картина, вырисовывающаяся при обращении к источникам, сообщающим о составе войск, вовлеченных в кампанию 1731 г. Так, в разных документах российского внешнеполитического ведомства касавшихся этого вопроса отмечается, что подступившие тогда к Кабарде силы представляли собой «войско кубанское и татарское»⁹¹, «войска крымские и кубанские»⁹². В материале газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 20 декабря 1731 г., составленном по следам завершившейся осенней кампании в Черкесии, указывалось на то, что действовавшие в ее восточных княжествах силы были представлены «Крымским, Губанским, Нагайским и другим»⁹³ войском (т.к. «Губанское» войско само в преобладающей степени было ногайским под номинацией «Нагайским» из периодического издания скорее всего подразумевалась Буджакская орда также в этническом плане относившаяся к этому тюркскому этносу). Особого внимания требует указание на присутствие среди направленных против черкесов войск контингента, обозначенного как «другой» т.е., не характерного для классической обоймы мобилизантов ханства. Этим «другим» войском в составе крымской армии был калмыцкий контингент. Об этом мы узнаем из «протокола» ответов Коллегии иностранных дел «на прошение кабардинских владельцев Большой Кабарды», вытекавших как из их послания, так и из устных предложений посла Мисост Магомета. Из второго пункта документа вытекает, что посол из Черкесии довел до его составителей информацию о приходе калмык «с крымцами и кубанцами» в Кабарду⁹⁴. Из другого источника становится известно, что речь идет именно об осенней кампании 1731 г. («...калмыки, з Бакты-Гирей салтановыми братьями соединясь, приходят на кабардинцов...»)⁹⁵. Принимая во внимание предыдущий внушительный опыт совместных ногайско-калмыцких военных предприятий в регионе под водительством погибшего в Кабарде Бахты-Гирея, представляется вполне объяснимым вовлечение ойратов в очередную инициативу своих степных партнеров. Речь в этом случае можно вести как о символическом капитале погибшего султана (облегчавшего его живым братьям достаточно авторитетно представать перед калмыками), так и, разумеется, о перспективах наживы. Как бы то ни было само артикулирование факта участия калмыков в походе на Кабарду (и скорее всего просьба о его недопущении в будущем) можно трактовать как признание их важной роли в истекшей кампании. Она же была невозможна без широкого участия калмыков в военных действиях.

Примечания

1. Алов Т.Х. Баксанская битва (у Крымских стен) 26–28 апреля 1729 г.: военно-политические предпосылки и условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 183–194.

2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957. Т. II. С. 41. (Далее: КРО).

3. Там же.

4. Там же.
5. Архив Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 92. (Далее: Архив КБИГИ).
6. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 417.
7. Там же. Л. 418.
8. Там же.
9. Там же. Л. 419.
10. КРО. Т. II. С. 75.
11. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 417.
12. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. М., 1963. Кн. X. Т. XIX. С. 280.
13. КРО. Т. II. С. 47.
14. Там же. С. 49.
15. Там же. С. 48.
16. Там же. С. 46.
17. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8 (№ 809). Л. 417.
18. КРО. Т. II. С. 60.
19. Там же. С. 47.
20. КРО. С. 47–48.
21. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб., 1869. С. 361–362.
22. КРО. Т. II. С. 102.
23. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 362.
24. КРО. Т. II. С. 102.
25. Там же. С. 49.
26. *Соловьев С.М.* Указ. соч. М., 1962. Кн. VIII. Т. XVI. С. 635.
27. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. X. Т. XIX. С. 280.
28. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 119.
29. КРО. Т. II. С. 77.
30. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней (в двух томах). М., 1967. Т. I. С. 166.
31. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. Т. I. С. 427.
32. *Налоева Е.Дж.* Документальные данные о Казанокко Жабаги // Жабаги Казанокко (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). Нальчик, 1987. С. 101.
33. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 163; *Он же.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 185.
34. *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 210; *Дзамихов К.Ф.* Вопросы политической истории народов Северного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 94.
35. *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825 гг.). Нальчик, 1998. С. 15; *Мальбахов Б.К.* Кабарда на этапах политической истории (середина XVI – первая четверть XIX века). М., 2002. С. 260.
36. *Дзамихов К.Ф.* Вопросы политической истории народов Северного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 94.
37. КРО. Т. II. С. 48.
38. Там же.
39. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 362.
40. КРО. Т. II. С. 49.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же. С. 61
44. Там же. С. 50.
45. Там же. С. 55.
46. Там же. С. 58.
47. Там же. С. 49.

48. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 120.
49. КРО. Т. II. С. 50.
50. Там же.
51. Там же. С. 70.
52. Там же. С. 46
53. Там же. С. 54.
54. Там же. С. 58.
55. Там же. С. 103.
56. Там же.
57. Там же. С. 114, 115.
58. Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. Приложение: карты.
59. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.
60. КРО. Т. II. С. 114, 115, 194.
61. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115 Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 8. Л. 5. (Далее: АВПРИ).
62. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1982. Кн. 2. С. 177.
63. КРО. Т. II. С. 103
64. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 279; Кочубинский А.Л. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 33.
65. Соловьев С.М. Там же. С. 405.
66. Там же. С. 382.
67. Там же. С. 386.
68. Кочубинский А.Л. Указ. соч. С. 34, 35.
69. КРО. Т. II. С. 49.
70. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 280.
71. Там же.
72. Кочубинский А.Л. Указ. соч. С. 17, 31, 32.
73. КРО. Т. II. С. 102, 103.
74. Там же. С. 16.
75. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 15.
76. КРО. Т. II. С. 10.
77. Там же. С. 131.
78. Там же. С. 19.
79. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 82, 83.
80. КРО. Т. II. С. 103.
81. Там же. С. 9.
82. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 210.
83. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 401.
84. Там же. С. 406
85. Там же. С. 280.
86. АВПРИ. Ф. 115 Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 1. Л. 95; Д. 5. Лл. 42, 43.
87. КРО. Т. II. С. 45.
88. Там же. С. 102.
89. Там же.
90. Там же. С. 103.
91. Там же. С. 75.
92. Там же. С. 71.
93. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 363.
94. КРО. Т. II. С. 70.
95. Там же. С. 76.

**THE BATTLE AT THE FERRY ZHERESHCHTY:
THE KABARDINO-CRIMEAN CAMPAIGN OF 1731 AND ITS RESULTS**

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary

Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», aloborsa@mail.ru

The first third of the XVIII century marked by a series of large-scale Kabardino-Crimean campaigns. The focus of this article is one of them – a campaign of the Crimean troops in 1731 in Kabarda and its results. The work reveals the prerequisites that conditioned such an initiative of Bakhchisaray and the influence of inter-imperial contradictions on its goals and results. The focus of the study is also on the domestic and foreign policy efforts undertaken by the rulers of the leading Circassian principality, which significantly increased its military resistance. A careful attention is paid to the culmination of the military campaign – the battle that unfolded at the crossing of the Zhereshchty battle in the first half of October 1731. In order to maximally reconstruct its dynamics, the strength, composition and other characteristics determining the military might of the opposing sides are analyzed.

Keywords: Zhereshchty, Circassia, Kabarda, Crimea, military campaign, invasion, resistance, defense, confrontation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-27-44